

Александр Тетрушенко

КАМЫШИНА

рассказ

Давным-давно, когда Андрейка был еще совсем маленьким, никакого озера здесь не было. Тянулась широкая балка. Среди кочек, поросших чахлой осокой, тускло поблескивала ржавая вода. Называлась балка Гнилая падина.

Потом где-то далеко-далеко прорыли канал. По нему пришла зеленоватая кубанская вода. Она затопила падину, и станица очутилась на одном берегу, а птицеферма — на другом. От старой дороги, что вела через балку, остался кусочек. Он зарос подорожником.

Вдоль озера широко тянутся камыши, такие густые, что на лодке не пробьешься. Андрейка любил забраться в чащобу, лечь на корме и смотреть в воду.

Вынырнут лупоглазые лягушки, удивленно таращат глаза — «Ты зачем тут?»

Стайкой проплывают рыбы мальчишата: сазанчики, карпята, карасики. Вдруг бросятся врассыпную: распихивая камыши, степенно плывет горбатый сазанище. Вот такой, а то и больше, оборвал однажды у Андрейки леску-жилку.

Неслышно пробирается птичка-камышовка с длинными косенькими бровками. То склонет задремавшую бабочку, то отыщет под листом колонию зеленоватой тли. Пискнет и отправится дальше, с камышинки на камышинку прыг-прыг...

А вот где живет водяная крыса? Хитрая-прехитрая и вредная. Однажды

Андрейка услышал плеск у берега. Оглянулся: крыса взобралась на садок с рыбой и рвет его зубами. Закричал: «Кыш! Брысь!» — кто его знает, как на них нужно кричать? — но она живо поняла и уплыла в камыши.

Как-то в вентерь попалась черепаха. Ее пустили в огород. Три дня она топталась по грядкам, затаивалась в помидорах и огурцах. Потом мать забыла прикрыть калитку, и черепаха сбежала.

У мостков, где моют ведра и полощут белье, прижился большущий рак. Он не стал рыть себе нору, а поселился в стеклянной банке. Рак приметный: левая клешня маленькая, видно, новая растет. Андрейка подкармливает его жмыхом и рыбьими потрохами. Рак привык к нему, но все равно еще не любит, когда его вытаскивают из воды: свирепо шевелит усами и грозит клешнями-ножницами.

Завидев на мысу новенький голубой «Москвич», Андрейка бежал по знакомой тропинке, еще издали кричал:

— Здравствуйте, Юрий Маркович!

— А-а, здравствуй, Андрюшка...

Как служба?

— Хорошо.

Уютно зеленела палатка с окошечками. На сковородке шипели плоские котлеты. Юрий Маркович обедал, попивая то из термоса, то из фляжки в сером суконном чехле. Выкурив толстую папиросу, разматывал длинные лески на спиннинговых катушках, раскладывал с полдюжины удочек: бамбуковые удилица, оранжевые поплавки

«солдатиками».

В такие дни Андрейка до ночи пропадал на мысу: ломал для костра прошлогодний бурьян, распутывал лески, удил мальков для насадки. У Юрия Марковича было одно удилище, такое гнупкое, такое ловкое, что Андрейка держал его и незаметно поглаживал отлакированные коленца. Мечталось: «А вдруг сейчас Юрий Маркович скажет: «Возьми себе». Но он затаенной Андрейкиной мысли не угадывал.

— Это я в Батуми разжился. Проезжаю — домик в балочке, а вокруг него настоящие заросли из бамбука. Старушка, добрая такая, разрешила мне срезать, так я целый десяток нахватал.

«Нам бы туда со Степанычем!» — думал Андрейка.

Степан Степаныч работал на птичнике водовозом и ночным сторожем. Был он высок и сутуловат, некрасив, но Андрейка не замечал ни кривого носа над толстогубым ртом, ни синей от взрыва немецкой мины щеки: тихие глаза Степаныча всегда смотрели на Андрейку ласково и грустно. Жил он одиноко, занимал пустую комнату по соседству с ними, куда Андрейка забегал так же свободно, как и в свою. Любил смотреть, как Степаныч плел корзины или починял Андрейкины ботинки, тихо напевая солдатские песни. Про то, как бьется в тесной печурке огонь, или про скромненький синий платочек.

В прошлом году Андрейка пошел в школу. Она далеко — три километра. Поздней осенью по степи непролазная грязь, и Степаныч перевозил его на лодке через озеро утром и в полдень. А зимой, если поднимался буря, ездил за Андрейкой на водовозке.

Жарко. Рыба не плеснет: ушла на глубину. С хрустом ломается пересохшая трава, пыль на дороге обжигает ноги.

Искупавшись, Юрий Маркович спрятался от безжалостного солнца в палатку. Андрейка проверил удочку — уныло висел прокисший червяк. Надел свежего, закинул снова и, вспугивая белесых кузнечиков, побежал домой.

Мать сказала:

— Ой, пекло! Андрюш, искупаемся?

У матери было любимое место: низкий берег отвесно уходил в такую глубину, что Андрейка, сколько ни пытался, никак не мог достать дна.

— Наперегонки? — предлагает мать.

Андрейка срывается с места, жаркий ветер охватывает грудь, бьет в лицо. Разве догонишь такого быстрого? Но уже слышны за спиной легкие шаги. У Андрейки сердце колотится, как у воробья, а мать ловит его за майку, смеется:

— Попался?

Девчонки-старшеклассницы, проходившие практику на ферме, как-то готовились к соревнованиям: прыгали в длину и высоту, бегали. И мать туда же. Никто не смог ее обогнать. Девчонки уговаривали: «Аня, поедем с нами? Вот посмотришь — первое место твое будет!» Мать смеялась, отнекивалась: «Куда мне, старухе? Я уже свое отбегала», — погрузилась и ушла. А девчонки стали шептаться и тихонько показывали на Андрейку глазами.

Она сбросила косынку и, не раздеваясь, — в воду. Матери хоть косынку жалко, а ему чего? — трусы да майка — бултых за нею. Она выныривает, смеется. Андрейка поплыл к ней.

— Куда ты? Тут глубоко! — Ловит в воде его холодную руку. — Садись верхом, покатаю, — и везет к берегу.

Пока мать выжимала платье, Андрейка побежал к Юрию Марковичу узнать, что поймал. Был у дома, когда услышал шмелиное гудение «Москвича». Весело подбежал: «Прокачусь маленько!»

Юрий Маркович, открыв дверцу, спросил:

— Ты удочку не брал? Андрейка переспросил догадливо:

— С красным поплавком?

— Да, с красным.

Посмотрел радостно и удивленно:

— Вы мне ее не отдавали.

— Я ее не отдавал, но давал,— подчеркнул Юрий Маркович,— давал поудить.

Только теперь догляделся мальчишка, что брови у Юрия Марковича дергались, а шея стала красная.

Сузились плечики, переступая с ноги на ногу, пояснил простодушно:

— Может, сом уташил? Степаныч один раз во-от такого поймал!

— Сом?— хмыкнул Юрий Маркович. — Нехорошо получается, Андрей.

В это время показалась мать. Она шла, заплетая темную от воды косу. То, что машина стояла у дома, ее несколько не удивило: Юрий Маркович наведывался то за солью, то за лавровым листом для ухи. И, примечал Андрейка, часто забывал то, за чем приезжал. Андрейка гордился тем, что именно к ним подкатывал «Москвич». Не к старойглуховатой птичнице Анисье, у которой и холодильник есть, и стиральная машина, а к ним. Анисье было завидно, и она ворчала: «Ишь, повадился...»

Увидев мать, Юрий Маркович заулыбался.

— Мы тут с Андреем отношения выясняем.

— Нашкодил что-нибудь? — Мать одернула прилипшее к телу платье. Узнав, в чем дело, удивленно и строго посмотрела на оробевшего мальчишку, заговорила тихо, но видно было, что случившееся неприятно ей.

— Андрюш, может удочка у тебя? Половил... и забыл положить на место?

Андрейка от обиды ничего не мог ответить, молчал. По щекам покатались горошины слез. Со страхом и недоумением глянул на мать: да как же она ему не верит? Чужому дядьке верит, а ему нет! Разве матери такие бывают? Вот придет отец — все ему расскажет. Мальчишка крутнулся, чтобы убежать куда-нибудь, но угодил в подошедшего Степаныча, уткнулся ему в живот и тут запричитал отчаянно:

— Я удочку не брал! Я не вор! На что она мне сдалась!

Сквозь рыдания Андрейка слы-

шал, как взвыл «Москвич», с лаем бросился за ним Пират. Мать постояла молча, потом вдруг широкими шагами поспешила на мыс. Андрейка вытер слезы: «Сейчас она ему задаст! Это она просто не поняла сразу...» — и побежал к вербам.

Вербы росли у самой воды. По вечерам индюки взлетали на них, устраиваясь на ночлег. Тогда мать посылала Андрейку, и он бросал в индюков плитками ссохшейся глины или взбирался по веткам и сгонял палкой.

Весь вечер мать была сердитая: грохала посудой, на ночь глядячи вздумала мыть полы — тряпка так и летала. Потом села на ступеньки, притихла. Андрейка котенком подошел к ней, она уложила его к себе на колени, прижала.

— Мам, я удочку не брал.

— Не ходи ты к нему. Ну их...

Прибежал Пират, положил лохматую голову Андрейке на живот и, будто сочувствуя, шумно вздохнул. Неслышно вынырнул из темноты Степаныч. По тому, как от него пахло сыростью и камышом, Андрейка догадался, что он ездил прикармливать рыбу.

— Поедем завтра, а? Я жмых разбросал...

Андрейка вспомнил свою кривуляшную удочку, связанную проволокой, кусочек пробки вместо поплавка, ответил:

— Не хочется.

— Что ж ты? — удивилась, мать.— Поезжай: Степаныч для тебя старался.

— Ну, ладно...

Ночь. В облаках бегут, торопятся звезды. Сорвется ветер, и камыши то шушукнутся чутко, то зашумят тревожно. Иногда в них раздается крик исполощенной птицы. Андрейке кажется, что в зарослях раздаются человеческие голоса, тоскливые, просящие. Только не разберешь, о чем они шепчутся.

— Мам, о чем шумят камыши? Она не удивляется вопросу, на-

певно шепчет над ухом:

— Это они с ветром разговаривают. Он весь свет облетал, за тридцать земель побывал, много что повидал. А камышинки ему свое рассказывают. Они, конечно,

домоседки, а поговорить тоже хочется. Скучно им, вот и шепчутся...

— Ветер и над океанами летал?

— Конечно.

— И папку нашего видел?

— Может быть,— отвечает мать.

Спросить бы, скоро ли приедет отец. Он вот уже сколько лет в полярной экспедиции. Там, рассказывала мамка, круглый год лютая, буранная зима, везде лед, бездонные трещины и ничего живого — одни белые медведи.

Степаныч ездил в станицу за кормом. Когда собрались, чтобы разгрузить бричку, он, не торопясь, полез в нагрудный карман, достал вчетверо сложенный лист голубоватой бумаги и протянул матери:

— Это вам, Анна Федоровна.

— Что?— спросила мать, и, когда брала листок, пальцы ее дрогнули.

— Председатель сказал: путевка в дом отдыха, в Батуми.

Девчонки захихикали от восторга, а мать обняла горячее лицо ладонями, отступила назад:

— Зачем он мне? Нужно было! Да куда я не поеду.

Тут на нее накиннулись и девчонки, и тетка Анисья:

— Дура ты! Хоть свет увидишь, а индюки да куры куда не денутся. От такого добра отказываться?

— Андрюшку с кем оставлю?

— С нами и побудет.

— Поезжайте, Анна Федоровна, поезжайте, — поддержал Степаныч,— мы за ним присмотрим,— и подмигнул Андрейке.— Отпустим мамку на Черное море?

Андрейка отвечал важно:

— Ладно уж, пусть едет. Только чтоб удочку мне привезла, бамбуковую. Там их много, прямо на берегу растут.

И начались хлопоты. Мать ездила в станицу: заказывала билет, что-то

покупала. Она приезжала радостная и уставшая. Прибегали девчонки, и мать хвалилась покупками. Андрейку дружелюбно выставляли из комнаты, а ему было страшно интересно, что там делается. Не вытерпел и потихоньку приоткрыл дверь. Мать, гибкая, тонкая, в зеленом купальнике стояла перед зеркалом. Андрейка просунул голову, похвалил:

— Красиво... как ящерка.

Когда она уже сидела в автобусе, то все заглядывала в сумочку — цел ли билет?— поправляла волосы и улыбалась чему-то своему. Андрейка крикнул ей:

— Не забудь про удилища!

Мать помахала из окна косынкой, но ничего не ответила — видно, не расслышала.

Плыли на лодке домой. Андрейка всплакнул немножко, и, хотя сидел спиной к Степанычу, тот догадался;

— Не плачь, это совсем ни к чему.

Сейчас приедем — обедать будем.

— Не хочу, — буркнул Андрейка.

— А не хочешь, так и не надо,— добродушно согласился Степаныч.— Ты копченую рыбу любишь? Мы с тобой копильню сделаем. Рыбы наловим, а потом накопим. Я умею...

Скучно. Дважды за водой съездили, искупался, а солнце вон еще где. Вчера день прошел совсем незаметно, а сегодня тянется-тянется. Покататься, что ли? Вычерпал из лодки воду и поплыл вдоль камышей. Потом прилег на корме. Лодку слегка покачивало и ветром тихонько несло к ферме. В волнах заметил длинную желтую палку.

«Камышина»,— решил Андрейка и стал смотреть в противоположную сторону. «А что, если...— снова глянул на камышину.— Может, почудилось?»

Точно — это было удилище. Андрейка достал его — качнулся пустой поплавок «солдатиком».

— Я же говорил, что сом утащил, я же говорил!— шептал Андрейка. Он греб изо всей силы и отчаянно кричал:

— Дядя Степа! Дядя Степа!

Степаныч тревожно обернулся на крик, отшвырнул лопату и побежал к

мосткам, расстегивая на ходу рубаху.

— Андрей, где ты?

— Дядя Степа! — раздался сквозь плеск пронзительный крик.

Степаныч уже готов был броситься в воду, но из-за камыша оказалась лодка. Сторож обессиленно, будто упал, сел на мостки.

— Дядя Степа, я удочку нашел, вот! Юрия Марковича!

В руках сторожа прыгала беленькая пуговица рубашки. Отдышался, покачал головой, будто прогоняя дурной сон.

— Удилище доброе, только высушить надо. Пока лови, новое грузило и крючок прицепим. А придет — отдадим. Мать тебе привезет еще лучше этого.

— Надо отдать, — согласился Андрейка. — Только он что-то не приезжает.

— Заявится...

Лишь на другой день, к вечеру, кончил Андрейка возиться с удилищем: сушил в тени — чтобы не потрескалось, расклепал свинчатку и приладил грузило, два кованных крючка привязал. Решил испробовать: вышел на мостки, наживил два хлебных катышка, изловчился и закинул под самый камыш. Еще не устоялся поплавок, как началась поклевка. Что значит снасть настоящая! — на обоих крючках сидело по сазанчику. Ловил до тех пор, пока виден был поплавок. За какой-то час во-от такую низку нахватал.

А потом прикатил на велосипеде Гриша.

Гриша был на целых три года старше Андрейки. Его бездонные карманы всегда были напиханы разными штуковинами, которые он сначала просто показывал, а потом предлагал меняться. Тетка Анисья не любила за это своего внука и, только он появлялся, бурчала: — Заявился, цыганенок? Однако рубила цыпленку голову и варила лапшу.

Андрейка сообщил свои немудрячие новости: про то, как они со Степанычем ловили рыбу, показал на чердаке недавно открытое гнездо совы. Больше рассказывать и показывать было нечего; оставалось только про удилище.

Гриша сразу предложил:

— Давай махнем? Я тебе за него, — тут он сделал таинственную паузу, — велосипедный насос дам.

— Зачем он мне? У меня ж велосипеда нету.

— Знаешь, что? — заговорщическим шепотом продолжал Гриша, — у меня часы есть — будут твои! Только потому, что мы с тобой товарищи.

Андрейка не поверил:

— Нуда?

— Чест-слово, — и Гриша достал из кармана настоящие часы, пояснив, — «Победа» называются. Правда, без ремешка, так его купить можно, тридцать копеек стоит. Думаешь, механизма нету?

Перочинным ножиком отколупнул крышку и показал Андрейке блестящие золотом колесики.

— Видишь, все на месте.

— А чего ж они не тикают?

— Чудак человек! Так пружинки нету. — Отнеси в мастерскую, и тебе за рубль, а то и за полтинник новую поставят. И будешь с часами.

Андрейка потрогал пальцем стеклышко, вздохнул:

— Нет, Юрию Марковичу надо отдать. Это не мое...

— Жадина ты! — разозлился Гришка. — И вообще я с тобой, малявкой, больше не играю. А Юрию Марковичу я сам скажу, что ты удилище не нашел, а украл, вот!

— Так нечестно... И где ты его увидишь?

— Где? Он еще вчера приехал, ловит на той стороне, за садами. Хочешь, сам посмотри.

Умчался Гриша — не оглянувшись. Андрейка взобрался на вербу и вправду увидел за садом голубое пятнышко. Конечно, Гришка мог и соврать: мало ли рыбаков приезжает на озеро. Все равно было нехорошо. А если в самом деле наговорит Юрию Марковичу? Андрейка пошел жаловаться тетке Анисье. Она стала грозить жилистым кулаком, обзывая внука спекулянтом и барышником, и пообещала, когда придет, все патлы выдрать. Степаныч же

сказал:

— Чего мучаешься так? Мы-то знаем, что ты удочку нашел...

И это успокоило Андрейку. Поэтому на другой день, увидев знакомую палатку, даже обрадовался, что наконец освободится от злополучного удилица.

Юрий Маркович лежал на резиновом матрасе. Услышав Андрейкины шаги, приподнял голову, встретил обычным, будто ничего и не случилось:

— А-а, здравствуй. Как служба?

— Я вам удочку принес, вот она...

— Какую удочку? — переспросил

Юрий Маркович.

— Ту самую... Я ее в озере нашел. Я ж говорил, что сом утащил. Так и есть, потому что без крючка была. Я свой прицепил.

Юрий Маркович махнул рукой:

— Возьми ее себе.

— Да нет, не надо: мне мамка из Батуми привезет.

— Она в Батуми? Отдыхает?

— Уже восемнадцать дней, — ответил Андрейка и положил удочку. Хотел уйти, но Юрий Маркович привстал, качнувшись, поднялся, притянул его к себе за плечо.

— Ты не сердись на меня. Знаешь, мне и самому неловко. Я тогда... поспешил, брат.

— Берите!

— Я от нее как-то отвык, понимаешь? Вот бывает так, что привыкнешь к чему-либо и, когда потеряешь, очень убиваешься об этом. А проходит время — становишься равнодушным к утерянному, потом и совсем о нем забываешь. Так вот и я... Бери удочку, забирай! Что мне их, солить? Я тебе лески дам, хорошая леска, польская.

Юрий Маркович поспешил в палатку, словно боялся, что Андрейка тотчас уйдет, не взяв удилице. Вынес катушку лески, отмотал — на три удочки хватит.

— Спасибо, — сказал Андрейка и пошел вдоль озера. Оглянулся, спросил: — Червей накопать?

— Нет, не надо, я много привез. Приходи вечером, а?

Андрейка не ответил.

Оказалось, коптить рыбу — дело не такое уж и мудрое. На железных прутьях развесили в бочке рыбу, развели в печурке огонь и засыпали его опилками. Из печки три дня валил густой белый дым, и Анисья ругалась:

— Степан, загаси свой паровоз: дыму полон дом!

— Ничего, комаров будет меньше.

А когда пробовали рыбу, то ахали и девчонки, и тетка Анисья. Степаных хвастался немножко

— Жаль, у нижнего ряда хвосты подгорели. Теперь у нас опыт есть. В другой раз приготовим — лучше магазинной будет.

Мать должна была приехать не раньше чем через неделю, и вдруг телеграмма: «Ждите двадцатого. Целую Андрейку». А двадцатое через три дня. Сразу столько хлопот навалилось. Снова задымила коптильня. Ездили в баню, где Степаных собственноручно оттирал «загоревшие» Андрейкины ноги, подстригал. Анисья шпыняла девчонок за неповоротливость, а сама вместо того, чтобы помочь им, пироги печь затеяла: один с рыбой, другой с рисом и яйцами, третий — с повидлом.

Накануне приезда матери Степаных достал из сундука хромовые сапоги с квадратными носами, долго ваксил кремом и натирал щеткой. Выгладил гимнастерку. На левой стороне блестели три медали, на правой — орден: в красной звезде солдат с винтовкой. И пошли они с Андрейкой гулять. Рядом бежал довольный Пират: без всякой надобности лез в камыши, обнюхивал норки ящериц или, заслышав далекий лай чабанских собак, рычал и скреб лапами землю.

Они присели на пригорке, где весной рясно расцветали любимые материны цветы — тюльпаны. Из станицы доносилась музыка, а здесь однообразно пилили сверчки, да одна за другой, будто сговорившись, била в озере мелкая и крупная рыба. Ветер-астраханец, ухोдившись за день, устраивался в камышах на ночлег.

Андрейка прислушался, прижавшись к сторожу, спросил:

— Степаныч, о чем шумят камыши?

Сторож долго молчал.

— Камыши — как люди. Сколько людей на свете, столько и камышинок. И у каждой своя судьба. Одни проживут— никакой ветер им не страшен. А на других обрушится — кто его знает, за что,— хрустнут они — и листья на воду.

— А Юрий Маркович говорит, что они шумят от трения.

Прошел пассажирский поезд со светящимися окнами, далекий и таинственный: куда помчался? кого повез?

«Хорошо бы сейчас ехать куда-нибудь. Весь день просидел бы у окна, ничего не пропустил. Есть же счастливые мальчишки, которых родители везут далеко-далеко». А он еще ни разу не катался на поезде, только в кино видел.

— Андрейка, пора спать. Уже скоро десять часов.

В комнате сторож подождал, пока мальчишка разденется, укрыл одеялом, погасил свет. Андрейка попросил:

— Степаныч, не уходи, а? Расскажи что-нибудь, про войну...

— Уже поздно, да и не хочу про войну, будь она трижды неладна. Я в партизаны ушел — пятнадцати лет не было. Из родных никого на белом свете. Как та камышина...

— Почему никого? — удивился Андрейка.— А я?

— Не считая тебя, конечно...

— Степаныч, я все думаю, думаю...

— О чем?

— Мамка удилице привезет?

— Конечно: она ж без тебя жить не может. Да у тебя и есть теперь.

— Не-ет, это все равно какое-то чужое. Она и тебе должна привезти, вот посмотришь!

— Этого я не знаю... Ложись на бочок.

— Степаныч, ты не засни, а то опоздаем к поезду.

— Что ты... Мне опаздывать уже никак нельзя. Спи...